

«МЫ» ИЛИ «ДРУГИЕ»: ИМИТАЦИЯ УКРАИНСКОЙ РЕЧИ В РУССКОМ АНЕКДОТЕ*

“WE” AND “OTHERS”: THE SIMULATION OF UKRAINIAN SPEECH IN RUSSIAN JOKES

Шмелева Е.Я. (eshkind@mail.ru), Шмелев А.Д. (shmelev.alexei@gmail.com)
Институт русского языка им. В.В. Виноградова

Имитация украинской речи, насмешки над украинским языком и украинскими именами очевидным образом свидетельствуют, что анекдоты об украинцах рождаются в русском языковом окружении. В статье делается попытка выявить связи между сюжетом анекдота, «языковыми масками» его персонажей и этностереотипами.

Вступительные замечания

Как известно, жанр «этнического» анекдота присутствует в фольклоре самых разных народов. Поскольку культурные стереотипы разных народов обычно не совпадают, специфические черты поведения народов-соседей (в анекдотах, как правило, к тому же преувеличенные) часто воспринимаются как смешные, глупые, не соответствующие собственной, «правильной» норме поведения. Особенно смешными кажутся нарушения речевых стереотипов родного языка рассказчика и слушателей анекдота. Как это ни парадоксально, героями самых злых «этнических» анекдотов обычно становятся представители народов, весьма близких рассказчику по культуре, истории и языку. Испанцы рассказывают анекдоты о португальцах, французы о бельгийцах-франкофонах, а голландцы – о бельгийцах, говорящих на фламандском языке. Так и истории о малороссах бытовали в русском фольклоре еще до того, как в русской речевой культуре сложился жанр современного анекдота. Украинцы (*хохлы*) были, наряду с *грузинами, чукчами и евреями*, персонажами советских «этнических» анекдотов.

Не прервалась эта традиция и в постсоветское время. И после того как Украина стала независимым государством, в России продолжают рассказывать анекдоты об украинцах, причем в этих анекдотах практически не появилось ни новых мотивов, ни сюжетов. Некоторым исключением являются анекдоты, в которых в том или ином виде выражается сомнение в жизнеспособности Украины как независимого («самостийного») государства и украинского языка как государственного.

Конечно, в Интернете постоянно появляются новые политические анекдоты, в которых речь идет об украинских политиках, внутренней и внешней политике Украины, о российско-украинских отношениях, но эти анекдоты не имеют массового распространения и не вносят ничего нового в образ *хохла* – постоянного персонажа русских анекдотов на протяжении уже более ста лет¹.

Речевые характеристики и этнические стереотипы

Как и прочие персонажи этнических анекдотов, украинцы обладают легко опознаваемой речевой маской. Рассказчику нет необходимости сообщать, что в анекдоте, который он рассказывает, речь идет об украинцах, – достаточно имитировать речь украинцев как героев анекдотов. Поэтому ключевым для понимания анекдотов об украинцах (как и других этнических анекдотов) оказывается описание речевых масок их персонажей.

В этом отношении персонажи этнических анекдотов отличаются от «иностранцев». *Американцы, французы, немцы, англичане, японцы* не обладают легко опознаваемой речевой маской в качестве персонажей анекдота, хотя их речь может характеризоваться отдельными специфическими сигналами (междометие *оля-ля* в речи *француза*, обращение *сэр* в речи *англичанина*, использование свистящих вместо шипящих в речи *японца*).

Отметим, что в легко опознаваемой речевой маске «иностранцев» как героев анекдотов нет необходимо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Образ России и русских по языковым данным»), проект № 06-04-00591а

¹ Стоит сделать оговорку, которая может показаться излишней. Часто, говоря об этнических анекдотах, рассматривают их персонажей как объект насмешки и характеризуют эти анекдоты как свидетельство ксенофобии тех, кто их рассказывает (ср., в частности, книгу [Draitser 1998]). Такой подход излишне прямолинеен и вносит неуместный оценочный подход, препятствующий объективному анализу материала.

сти. «Иностранцы», как правило, выступают в роли персонажей мультинациональных анекдотов и называются посредством соответствующего этнонима (исключения – анекдоты из «французской» или «английской» жизни – относительно немногочисленны, и примечательно, что как раз в них специфические сигналы, характеризующие речь персонажа, становятся почти обязательными). Последним в мультинациональных анекдотах обычно действует (или говорит) представитель родного народа рассказчика (соответственно, в русских анекдотах – *русский*), именно он действует самым необычным, неожиданным образом, его слова или действия составляют то, что называется «солью» анекдота².

Обычно персонажи «этнических» анекдотов: *грузины, чукчи, евреи* или *эстонцы* – говорят по-русски, а их этноязыковая принадлежность подчеркивается имитацией акцента и использованием характерных частиц (*да? однако, таки*). При этом любопытно, что особенности речи этих персонажей оттеняют специфические черты национального характера. Так, *грузину* свойственна установка на контакт и взаимопонимание с собеседником: грузин в анекдотах обращается на «ты» даже к незнакомому собеседнику; в его речи преобладают побудительные предложения и риторические вопросы; в конце каждого предложения он добавляет вопросительное «да?» – даже в тех случаях, когда это противоречит русской литературной норме. Непременное *однако* в речи *чукчи* отвечает общему внутреннему состоянию этого героя анекдотов – его пассивному изумлению перед окружающим миром (недоумение, вызванное встречей с незнакомой цивилизацией, подчеркивается и тем, что чукча всегда говорит о себе в третьем лице: он как бы глядит на себя со стороны и удивляется: как это он оказался в таком странном мире)³.

Восприятие украинской речи как «неправильной» русской речи

На этом фоне речь украинцев – героев русских «этнических» анекдотов – отличают весьма своеобразные языковые характеристики: *украинец* в анекдоте чаще всего говорит не на «русском как иностранном», а «по-украински» – в той мере, в какой рассказчик в состоянии имитировать украинскую речь. Иными словами, речь *грузина, чукчи, еврея* или *эстонца* из анекдота – это *русская* речь с теми или иными отклонениями от нормы, обусловленными сознательной установкой рассказчика на имитацию русской речи человека, говорящего на неродном языке. Напротив того, речь «анекдотического» *украинца* – это *украинская* речь с отклонениями, которые обусловлены не сознательной установкой рассказчика, а тем, что рассказчик, как правило, не в достаточной мере владеет украинским языком⁴.

По-видимому, русскоговорящему рассказчику украинский язык кажется «неправильным» русским. Это ощущение поддерживается тем, что в русских анекдотах чаще всего имитируются черты украинской речи (*мовы*), наиболее характерные для южнорусских диалектов. Сюда относится произнесение фрикативного *z* на месте русского литературного *z*, *и* на месте русского литературного *е* и на месте русского литературного *о* в новых закрытых слогах, использование союза *що* вместо русского литературного *что*. По-видимому, русское массовое сознание воспринимает все это не как особенности чужого самостоятельного языка, а как характеристики русской диалектной (т. е. «нелитературной») речи, иными словами – речи необразованных людей, не овладевших произносительными нормами русского литературного языка.

То, что украинцы говорят на языке, близкородственном русскому, но каком-то «неправильном», в котором многие слова, хотя звучат похоже, имеют другое значение, иногда составляет самую «соль» анекдота, в русскоязычной среде такие анекдоты рассказчику часто приходится комментировать:

(1) *«На всемирном конгрессе женщин дамы обсуждали, как наказать мужчин за невнимательность к ним. Решили, что надо ограничить ласки. Долго спорили, до какой степени можно ограничить, и в конце концов постановили, что будут дарить им ласки только три раза в неделю. Приняли единогласно. «Вопросы, предложения есть?» Встает хохлушка: «У мэнэ есть спытання до конгресу. Що три раза у нэдилю, то я согласная. А як будэ у будни?»*

² Разумеется, речь идет о «стандартном» случае рассказывания анекдота. При пересказе «чужого» анекдота (напр., финского анекдота по-русски, или русского анекдота по-шведски) последним действует или говорит представитель того народа, которому этот анекдот «принадлежит».

³ Подробнее о связи речевых характеристик персонажей анекдотов: *грузин, чукчей, евреев, эстонцев* – и соответствующих этностереотипов см. в ряде наших предшествующих публикаций – напр., в уже упомянутой книге [Шмелева, Шмелев 2002: 47-63]. Заметим, что с этой точки зрения *новые русские* сходны по своим характеристикам с персонажами этнических анекдотов.

⁴ Поскольку речь *украинцев* в русских анекдотах – это не подлинная украинская речь, а лишь ее имитация, не отвечающая нормам украинского языка, при ее передаче в рамках данной статьи мы, как правило, ограничиваемся средствами русской графики.

⁵ К сходным выводам приходит Е. Е. Левкиевская в заметке «Украинцы глазами русских: эволюция этнокультурных и языковых стереотипов», опубликованной на сайте МИОН (http://www.iriss.ru/attach_download?object_id=000150070125&attach_id=000264). Ср. также [Draitser 1998: 67-70].

«Мы» или «другие»: имитация украинской речи в русском анекдоте

Обычно после этого анекдота рассказчик поясняет, что по-украински *неділя* – это воскресенье. Заметим еще, что прилагательного *согласный*, насколько мы знаем, в украинском языке нет, но русского рассказчика это нисколько не смущает: для имитации украинской речи достаточно, чтобы прозвучало несколько слов, которые играют роль своего рода условных сигналов.

Характер украинца как героя анекдота

При этом особенности речи украинцев, как и всех прочих персонажей этнических анекдотов, подчеркивают особенности их характера и поведения. Диалектная речь – это деревенская речь; соответственно, диалектные черты в речи украинца в анекдотах подчеркивают, что это типичный деревенский житель, необразованный, прижимистый и неопрятный, но не лишенный своеобразной хитрости и силы. Во многих отношениях стереотип украинца в русских анекдотах повторяет автостереотип русских, представленный в преувеличенном виде.

Украинский мужчина (*чоловік*) превыше всего ставит чинную мужскую беседу за бутылкой. Занятие любовью рассматривается им как несерьезное, недостойное настоящего мужчины. Но при этом всем в доме заправляет, безусловно, жена (как, впрочем, и у русских, насколько можно судить по русским семейным анекдотам):

(2) *Женился татарин на хохлушке. Говорит ей: «Я когда приду домой и у меня тубетейка на левый бок сдвинута, я тебя любить буду, целовать буду, деньги давать буду. А если у меня тубетейка на правый бок сдвинута, значит злой-злой буду». А хохлушка ему отвечает: «Если ты пришел домой и видишь, что у меня руки на груди сложены, я тебя любить буду, целовать буду, борцом кормить буду, а если ты пришел и видишь, что у меня руки в боки – мне все равно, на какой бок у тебя тубетейка сдвинута!»*

Замечательно, что рассказывая этот анекдот, обычно не пытаются имитировать украинскую речь: здесь русский язык выступает как «средство межнационального общения».

Украинцы и советская власть

Украинцы, как и другие персонажи советских этнических анекдотов, не любят советскую власть и коммунистическую партию. Но в отличие от всех остальных, они способны даже на реальное сопротивление:

(3) *Во время войны перед боем солдат-украинец пишет записку: «Якщо вб'ють, прошу вважити мене комуністом, а якщо ні, то ні».*

(4) *Встретились два украинца. Один рассказывает другому: «Був я у Іспанії на кориди, та бачив, як одного дурня бык на рога пидняв». – «А за що вин того?» – «А тобі перед рогами комуніацким стягом махати?»*

(5) *Дед Панас и внук пьют чай. Внук только что вернулся из сельпо, и спрашивает деда. «Диду, а правду люды кажут, що у тэбэ в лису три танка е?» – «Брэшуть, внучку, брэшуть». – «Диду, а правду люды кажут, що у тэбэ в лису пять пушек?» – «Брэшуть, внучку, брэшуть». – «А шо у тим озэрку пидводна лодка плавае?» – «От чого нэма, того нэма...»*

При этом во многих анекдотах нелюбовь к советской власти для украинцев оказывается неотделимой от нелюбви к тем, кто эту власть воплощал, – к русским (*москалям*). Само желание говорить на своем «ненастоящем», «искаженном русском» языке в анекдотах часто объясняется злонамеренностью украинцев и их нелюбовью к *москалям*.

Украинцы и «москальи»

Этот стереотип вызвал к жизни особый жанр – псевдоукраинские анекдоты о нелюбви к *москалям* и к русскому языку (при этом *москальи* в анекдотах такого рода могут уже никак не ассоциироваться с советской властью), например:

(6) *«Петро, москальи в космос полетили!» – «Що, уси?»*

(7) *Приехал москаль на Западеницину, нужно ему с вокзала до аэропорта на автобусе проехать. Подходит он к деду и спрашивает: «Дед, а где здись останивка?» – «Не останивка, а зупынка, а ты, москальику, вже прыйихав...»*

(8) *Бандеровец на могиле сына: «Чи я тэбэ не народыв, чи я тэбэ не годував, чи я тэбэ до Универсытэту не видпустыв, чи я тобі гроши не видсылав!? А ты прыйихав и що ты мени сказав? «Здравствуйте, папа!»»*

Многие из этих анекдотов родились в русской речевой среде (хотя, возможно, в среде русских, живущих на Украине), и это видно не только из того, что украинская речь зачастую имитируется в них довольно неумело

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д.

(а анекдоты, требующие определенного уровня владения украинским языком, в русской среде чаще всего пере-сказывают «в сокращении»). Недаром постоянная их тема – насмешки украинцев над русским языком, русскими фамилиями. Ведь смешным это кажется именно носителям русского языка: мол, украинцы сами говорят на таком потешном языке, у них ужасно несуразные фамилии, а они еще смеются над нашим «великим и могучим» русским языком:

(9) *Встречаются два хохла: Свербыгузенько и Черезплетеньходько. Один достает газету: «Бачь, яка чудна фамилия». – «Яка, яка?» – «Гу-у-усев».*

(10) *«Петро, чуешь, як москаля нашо пыво кличуть?» – «Як?» – «Пи-и-во!» – «Повбивав бы!»*

Другие народы в «анекдотах об украинцах»

Помимо *москалей*, украинцы – герои русских анекдотов – не любят также и евреев (*жидов*). Любопытно, что помимо *москалей* и *жидов*, во многих анекдотах о *хохлах* фигурирует еще один довольно неожиданный персонаж – *негр*:

(11) *Едет негр в Киеве в метро. Читает газету «Молодь України» на украинском языке. Рядом стоит здоровый хохол, спрашивает негра. «Можє, ты хочєшь сказаты, що ты розумиєшь, що тут напысано?» – «Так, я розумию». – «Можє, ты хочєшь сказаты, що ты живеєшь у Кыиви?» – «Так, я живу у Кыиви». – «Можє, ты хочєшь сказаты, що ты украиєць?» – «Так, я украиєць». – «А хто ж я тоди такый?!» – «А бис тэбэ знає, – отвєчает негр, – або жид, або москаль».*

(12) *Едет в поезде (в одном купе) негр и хохол. Едут-едут, пришло время ужина. У негра с собой ни фига нет. Достает хохол сало, чеснок, лук, черный хлеб и т. д., начинает есть. Негр на него смотрит, смотрит, уже слюны текут. Тут хохол к нему поворачивается и говорит: «Извиняйте, бананив немає».*

(13) *Заходит негр с обезьяной в автобус. Она от него – шасть и убежала... Негр: «Микки, Микки...» Хохол поймал обезьяну и говорит ей: «Мыкола, чому ж ты батьку-то не слухаєшь?»*

По-видимому, украинец, как типичная «деревенщина», негров (как и обезьян) никогда не видел, поэтому считает, что негры питаются только бананами, не умеют читать и т. п.⁶

Заключительные замечания

Выше мы отмечали, что в мультинациональных анекдотах последним обычно действует или говорит представитель родного народа рассказчика, слова или действия которого и составляют то, что называется «солью» анекдота. Любопытно, что в ряде русских мультинациональных анекдотов, в которых фигурируют украинцы, именно они оказываются последними в ряду персонажей, т. е. занимают место, предназначенное для *русских* (а, скажем, анекдотов, в которых это место занимают *грузины*, *чукчи* или *эстонцы*, довольно мало).

Может показаться, что в указанном отношении украинцы схожи с *евреями*, которые также могут выступать последними в русских мультинациональных анекдотах. Однако представляется, что источник такого «отклонения от нормы» для *евреев* и украинцев различен.

Относительно большинства анекдотов, в которых место, предназначенное для представителя родного народа рассказчика, занимают *евреи*, можно предположить, что они родились или активно рассказывались в еврейской среде (во многих случаях это достоверно известно). В отношении украинцев причина скорее в том, что украинцы рассматриваются в русских анекдотах как своего рода «русские». Э. Драйцер в книге о русских этнических анекдотах писал, что украинцам и чукчам в этих анекдотах приписываются те же черты, которые русские приписывают самим себе [Draitser 1998: 63-74, 94-100]; один из разделов главы, посвященной русским анекдотам о чукчах даже назывался «Чукча как русский» [*The Chukchi as a Russian*]. Пожалуй, в отношении *чукчей* этот вывод не подтверждается никакими языковыми данными; напротив того, имитация речи украинцев в анекдотах изображает их именно как русских, хотя и «неправильных».

Список литературы:

1. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. // М.: Языки славянской культуры, 2002.
2. Draitser E. Taking penguins to the movies: ethnic humor in Russia. Detroit: Wayne State University Press, 1998.

³ Заметим, что *негр* выступает в роли вспомогательного персонажа, которому не приписывается ни устойчивая речевая маска, ни постоянные черты характера.